Научная статья

УДК 82-3, 82-8, 82-94

doi: 10.31079/1992-2868-2021-18-4-208-217

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ВОСПРИЯТИЯ КИТАЯ И КИТАЙЦЕВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ МАНЬЧЖУРИИ 20–40-Х ГОДОВ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА АРСЕНИЯ НЕСМЕЛОВА)

Анна Анатольевна Забияко¹, Екатерина Владимировна Сенина²

¹Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия, sciencia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

²Московский государственный институт международных отношений, Россия, e.senina@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4724-7890>

Аннотация. Статья представляет результаты исследования специфики образа восприятия Китая в русской литературе Маньчжурии, создаваемой в основном писателями-эмигрантами, проживающими в Харбине и близлежащих территориях линии КВЖД. По мнению авторов статьи, эта специфика определялась фронтальными (пространственными, временными, этническими, социальными, религиозными) обстоятельствами формирования населения Северной Маньчжурии, мощным развитием на этих территориях востоковедческих и Китаеведческих исследований с начала XX в., предшествующим опытом порубежного общения представителей старшего поколения эмиграции, органичной встроенностью в пограничное бытие «детей эмиграции». На материале лирики и прозы Арсения Несмелова авторы статьи исследуют художественные образы восприятия Китая и китайцев с точки зрения их концептуальной, металитературной, социокультурной основы, а также способов выражения. Делается вывод о том, что модернистский подход весьма скоро сменяется у Несмелова реалистическим повествованием в духе этнографических зарисовок. От пропагандистского неомифологизма и пространственно-временной индифферентности, присущих бывшему столичному журналисту, харбинский писатель обращается к точке зрения «простого харбинского обывателя» и далее, до детального проникновения в повседневную психологию простых китайцев (маньчжуров), жителей Маньчжурии – крестьян, разнорабочих, хунхузов.

Ключевые слова: Маньчжурия, дальневосточная эмиграция, художественная этнография, русские, китайцы, художественный образ восприятия Китая

Благодарности: работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)».

Original article

POETIC IMAGE OF PERCEPTION OF CHINA AND CHINESE IN RUSSIAN LITERATURE OF MANCHURIA 1920–1940 (BASED ON WORKS BY ARSENIY NESMELOV)

Anna A. Zabyako¹, Ekaterina V. Senina²

¹Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, sciencia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

²MGIMO University, Moscow, Russia, e.senina@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4724-7890>

Abstract. The article presents the results of a study of the specifics perception of China in Russian literature in Manchuria, created mainly by emigrant writers living in Harbin and nearby territories of the CER line. According to the authors of the article, this specificity was determined by the frontier (spatial, temporal, ethnic, social, religious) circumstances of the formation of the population of Northern Manchuria, the powerful development of oriental and Chinese studies in these territories since the beginning of the 20th century, the previous experience of foreign communication of representatives of the older generation of emigration, the organic integration into the borderline being of “children of emigration.” On the material of lyrics and prose by Arseniy Nesmelov, the authors of the article explore the poetic images of the perception of China and the Chinese from the point of view of their conceptual, metaliterative, sociocultural basis, as well as methods of expression. It is concluded that the modernist approach is very soon replaced by Nesmelov's realistic narrative in the spirit of ethnographic sketches. From the propaganda neomythologism and space-time indifference inherent in the former capital journalist, the Harbin writer turns to the point of view of the “simple Harbin resident” and beyond, to a detailed penetration into the everyday psychology of ordinary Chinese (Manchus), residents of Manchuria (peasants, laborers, Hunhuz).

Key words: Manchuria, Far Eastern emigration, art ethnography, Russians, Chinese, poetic image of China's perception

Acknowledgments: the work was supported by the Russian Foundation for Basic Research 20-012-00318 “Images of Russia and China in artistic ethnography (based on materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 1920–1940).”

Введение

Опыт совместного проживания русских и китайцев на территории Северной Маньчжурии в первой половине XX в. определялся многими специфическими обстоятельствами формирования населения по

линии КВЖД в целом и эмигрантского сообщества в частности. Статистические данные свидетельствуют, что с 1912 по 1917 г. русских (имеются в виду все, кто причислял себя к русскому населению) в Китае насчитывалось уже около 50 тыс. че-

людей, в 1919–1920 гг. 144–148 тыс. [1: с. 125], к середине 20-х гг., по разным источникам, уже 200–250 тыс. Накануне 1917 г. основную массу выходцев из Российской империи составляли железнодорожники и их семьи, гражданское население, занятое торговлей, образованием, здравоохранением, вернувшиеся с фронтов Первой мировой войны военно-служащие Заамурского округа; семьи казаков, кочевавшие на лето из Забайкалья, а после Октябрьской революции к ним добавились городские обыватели и мелкие торговцы, чиновники и учителя, врачи и инженеры, рабочие и крестьяне из приграничных районов, политические деятели и члены различных «временных правительств», университетские профессора, журналисты и литераторы [1: с. 122–123].

После лихолетья Гражданской войны для русских изгнанников, потерявших родину, дом, семьи, Харбин становится идиллическим пристанищем, возвратом в прошлое [1: с. 121–125, 16: с. 39–51]. В городе действуют русские храмы, работают русские театры и кинотеатры, открываются русские школы, гимназии, университетские кафедры [22; 26: с. 68–129; 44: с. 3–36]. Этническое соотношение в Харбине на 1923 г. было примерно таким: при общем количестве жителей 300–350 тыс. человек русских жителей было 165 857 человек [9].

Китайское население Северной Маньчжурии только с конца XIX в. стало пополняться жителями провинций Шаньдун и Хэбэй, мигрировавшими в эти края в поисках заработка либо скрывавшимися от властей; оно было представлено в основном торговцами, рабочими, крестьянами, обслуживающим персоналом. К описываемому периоду его многонациональный состав включал маньчжуров, ханьцев, корейцев, монголов, представителей аборигенного населения (дауры, орочен и т.д.) [9].

Русские и китайские районы в городе были разделены (китайский район Фудзянь находился в китайском управлении, русские туда практически не ходили, китайцы также не селились в сугубо русских кварталах). Но русские беженцы попали в Харбин не из дворцов и не во дворцы, а зачастую жили и питались бок о бок с китайцами и маньчжурами, охотились с ними, работали в мастерских, ресторанах и типографиях. Китайские, маньчжурские, русские, а затем и японские дети играли вместе во дворах. Праздники тоже были общими: Пасха и Чуныцзе, день Полнолуния и Рождество [21; 48]. Когда в русской семье не было денег, китайские лавочники давали русским продукты в долг – до лучших дней. И наоборот, бывшие белопоходники пригревали на своих кухоньках китайских старьевщиков, дворников, молочников, когда те совсем замерзали на холодном маньчжурском ветру [23: с. 9–61].

Помимо городского, сельского образа жизни в полсе отчуждения, воссоздающих подобие утраченной

довоенной России, был еще и таежный маньчжурский быт. Контакты русского и китайского населения в тайге носили более тесный характер и не имели столь явного социально-классового и этнокультурного различия. Главным регламентирующим механизмом этих отношений был жизненно неизбежный и непреложный «Закон тайги» [12: с. 21–57].

В результате примерно уже к середине 20-х гг. XX в. Маньчжурия явила «впечатляющий пример фронтирной субкультуры, сложившейся в дальневосточном порубежье на стыке русской и китайской культур. Её история обнаруживает разные сценарии маргинализации. Определяющей стратегией существования харбинской культуры в условиях дальневосточного фронта были консервация нормативных качеств русской культуры и их интенсификация. Эта стратегия не исключала, однако, усвоения некоторых сторон китайской культуры и движения в сторону русско-китайского синкретизма. Такая тенденция исподволь, без ломки привычного русского уклада и без нажима извне, органично складывалась в языке, зодчестве, литературе и религиозных верованиях» [18: с. 33].

Постановка проблемы исследования

Маргинализация субкультуры порубежья прямым образом определяла амбивалентную специфику восприятия русским населением признаков «чужой» территории, «чужого» этноса, «чужих» обычаев и традиций и отражение такого подхода в харбинской литературе и публицистике.

С одной стороны, охранительные установки «русских маньчжурцев» по отношению к инокультуре, определявшиеся социокультурными, этнокультурными и этнорелигиозными характеристиками русского и китайского населения Харбина и полосы отчуждения [1: с. 121; 39: с. 1–2]. Однако после осознания себя эмигрантами практически все представители этнических групп бывшей России стали именовать себя русскими, подчеркивая свое стремление сохранить русский язык как признак национальной общности, русскую культуру и литературу – как хранилище исторической памяти [18: с. 11]. В противовес «чужим богам», «чужой вере» местного населения огромную этнорегулирующую и этноинтегрирующую роль стала играть православная ориентированность многих представителей эмигрантского сообщества.

С другой стороны – мирный характер уживания с религиозными верованиями китайского населения позволял русским эмигрантам почувствовать интерес к духовной жизни местного населения. Задолго до того, как Харбин начал принимать русскую эмиграцию, он стал одним из ведущих центров практического востоковедения в Азии [47: с. 99; 8: с. 336]. Сотрудниками Общества русских ориенталистов (ОРО) с самых первых лет

его возникновения стали П.В. Шкуркин, Н.А. Байков, А.П. Хионин, Н.П. Автономов и др. – не только прекрасные востоковеды, но и востоколюбцы. В 1922 г. ОРО соединился с Обществом изучения Маньчжурского края (ОИМК) [47: с. 115]. Среди основателей ОИМК, помимо русских исследователей, было немало китайцев. В первом номере «Известий Общества изучения Маньчжурского края» писалось: «Три культуры должны встретиться в работе О-ва, а, следовательно, найти отражение в "Известиях": китайская, русская и маньчжурская. И верим мы, "Известия" помогут всем культурным силам края найти общий язык и дружными усилиями пойти к единой цели, к всестороннему изучению местного края» [40: с. 3].

Этнографический материал постепенно востребуется не только в узких научных кругах, но и в среде обычных горожан, осознающих уникальность своего местоположения, того края, что стал их домом [12: с. 308]. Различные статьи и очерки (в основном популярного характера), рассказывающие о деятельности ОИМК, ОРО и других организаций, а также раскрывающие быт, нравы, самобытную культуру, религиозные верования и обряды коренных народов Востока, периодически появляются на страницах «Вестника Азии» (1909–1928), «Известий Общества изучения Маньчжурского края» (1922–1928), «Вестника Маньчжурии» (1923–1934), «Записок Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов» (1946), газет «Гун-бао» (1926–1937), «Заря» (1920–1938), журнала «Луч Азии» (1934–1945) и др. Особое место среди изданий, популяризовавших знания о Китае, Маньчжурии и прилегающих к ней областей среди читающего эмигрантского общества, занимает журнал «Рубеж» (1926–1945) [56: с. 302–329]. Нередко этнографические материалы готовят сами ученые или люди, ориентированные на просвещение русского населения.

Результаты исследования и их обсуждение

На стыке специфических тенденций развития и бытования фронтальной культуры и возникает образ восприятия Китая и китайцев в литературе дальневосточной эмиграции. Приступая к художественному освоению чужой страны и населяющих ее народов, русские писатели-эмигранты осуществляли свои интенции разными путями, в зависимости от художественной установки, предшествующего опыта, возможностей [15]. Отчетливо различаются образы восприятия Китая и китайцев у тех, кто оказался в Северной Маньчжурии в начале века, до революции и уже после Гражданской войны, в творчестве «старшего» и «младшего» поколения эмигрантских писателей и поэтов, а также у «городских» писателей и поэтов (завсегдатаев литературных салонов, студий, творческих объединений) и у художников слова, знакомых с жизнью жителей

тайги, их обычаями и нравами из эмпирического опыта, так или иначе связанных с научным подходом к сбору материала [2: с. 3; 5: с. 249; 16; 17; 19; 21; 24; 43; 46: с. 3; 49–52].

К середине 20-х гг. в харбинской литературе в разных жанровых и дискурсивных формах оформляется и развивается художественная этнография как основное, абсолютно оригинальное, направление рефлексии писателями себя в Китае и Китая в себе – в творчестве П.В. Шкуркина, Н.А. Байкова, В. Марта, М. Щербакова и пр. [14]. Однако этнографизм в той или иной мере был присущ практически всем дальневосточным писателям-эмигрантам, правда – с определенной спецификой, определяемой их художественными ориентирами и этнокультурными установками. Потому особенно интересными представляются случаи исследования имагологических интенций в творчестве тех авторов, что были, на первый взгляд, далеки от научных штудий.

Весьма репрезентативным представляется отражение образов восприятия Китая и китайцев в творчестве А. Несмелова. Русский дворянин из известной московской семьи, прошедший фронты Первой мировой, белопоходник, оказавшийся в Харбине после недолгой передышки во Владивостоке [6: с. 3–9], Несмелов был достаточно дистанцирован от ориентальных увлечений. Китайского языка не знал. Будучи опытным журналистом и писателем, Несмелов умело манипулировал дискурсивными формами выражения и жанровыми возможностями слова. К тому же Несмелов жил на подённый заработок от публикации своих произведений (рассказы, фельетоны, стихи в «Рубеже», «Заре» и т.д.) – его реакции на изменения в общественном сознании были «на злобу дня». Но он был художником, не только чутко реагирующим на литературный и общественный запрос – в своем творчестве Несмелов предвосхищал некоторые научные веяния. Не случайно в его лирике есть место психоаналитическим, мифопоэтическим, метапоэтическим штудиям. Для нашего исследования важно то, что он одним из первых в художественной форме интуитивно приблизился к рефлексии теории этничности и проблем маргинализации этнического сознания и внес свое, несмеловское прочтение в художественную этнографию литературы русской Маньчжурии 20–40-х гг. [6: с. 3–9].

Попав в Харбин в первой половине 1920-х гг., Несмелов только к началу следующего десятилетия обращается к «китайским картинкам» в лирике. В этих опытах Китай и Маньчжурия – образы по большей части отстранённо-литературные. Первое стихотворение о Китае – «Легенда о драконе» (1927) будет опубликовано в советском журнале «Сибирские огни» и целиком совпадет с актуальным для советского сознания той поры образом

восприятия Китая как экзотической страны, понимающейся на борьбу с иностранцами [32]. Выдуманную им самим легенду о драконе-Янцзы, пожравшем первый английский пароход, Несмелов проецирует на современную революционную ситуацию на юге Китая.

А с берегов,
Из тростниковых хижин,
На пароход,
На дыма черный вал
Глядел крестьянин,
Робок и принижен,
И *дьяволом* его именовал.
И ... там,
Где солнце
Медно-красным диском
Склонялось в аспид
Острогрудых круч,
Вдруг появились
В отдаленьи близком
Клубящиеся змеи
Черных туч...

Из дыма их
На аспидные кручи
Окрасив в пурпур
Блеклый небосклон,
Неслышно выполз
Сказочно могучий
Тысячекрылый
Огненный дракон... (курсив наш. – *Авт.*)

Стихотворение, написанное в соответствии с лефтовской эстетикой, не имеет исторической основы и представляет яркий образец революционной неомифологии. Данный сюжет обнажает внутреннее понимание Несмеловым ментальности народа, с которым русским изгоем, для китайцев также – «белым дьяволом» – приходится жить бок о бок. Жители Поднебесной не забыли унижений, испытанных за годы опиумных войн, и подобная легенда вполне могла родиться в китайском народном сознании в качестве этнопсихологической компенсации:

Прошли года,
Прошли десятилетия,
Развеян сказки
Рухнувший уют,
Но,
Как тогда,
И в это лихолетье,
Преданье вспоминают
И поют... [33].

Рассказ «Игра на мясо» (1926) [30], опубликованный в «Советской Сибири», Несмелов посвящает Арсеньеву, с которым был знаком по Владивостоку [13: с. 328–335]. Сюжет авантюрного повествования

в «Игре на мясо» строится на истории, когда два красных партизана, уцелевших после уничтожения отряда японцами, блуждая по приморской тайге, попадают к хунхузам. Хунхузский командир-китаец проникается к ним симпатией – один из партизан свободно говорит по-китайски, кроме того, партизаны воюют с японцами. В атмосфере этого чисто китайского гостеприимства партизаны становятся свидетелями игры в кости, в ходе которой самому проигравшему командиру вырезают кусок живота. После всего пережитого тот, еле живой, но не утративший веселости духа, прощается со своими гостями. Этнокультурное резюме отправившихся далее русских таково: «Ну и люди! А в общем ничего... Только дикари очень... На мясо играть!» [30] При этом русские герои соотносят и свой жизненный выбор со «ставкой на мясо». Как бы оптимистично не звучала данная фраза, безусловно, что в нее Несмелов вкладывает куда более серьезный «кровавый» и «кровный» смысл [7: с. 171]. Русские смогли понять «дикарей»-китайцев, но не могут понять друг друга... Много позднее, в рассказе «Сто-рублевка» (с подзаголовком «давняя харбинская быль») (1945) [36] фантастическое знакомство харбинского врача Крошкина с хунхузом Корявым – живым ужасом бандитского Харбина-папы дарует доктору бесценный опыт познания столь загадочной для русского человека китайской души [36; 17: с. 145].

Но это будет много позднее, а пока в художественной рефлексии Китая и китайцев 30-х гг. Несмелов обнаружит качества беспристрастного эмпирика-наблюдателя и одновременно – поэта-философа:

Ворота. Пес. Прочавкали подковы,
И замер скрип смыкающихся створ.
Какой глухой, какой средневековый
Китайский этот постоялый двор.

За ним – поля. Кумирня, кукуруза...
А в стороне от глинобитных стен,
На тонкой жерди, точно для антенн, –
Отрубленная голова хунхуза.

«Из китайского альбома», 1932 [31].

На фоне ассоциаций, связанных с радиоантеннами, отрубленная голова хунхуза – точно картина из давней исторической хроники. К теме хунхузов и хунхузничества Несмелов вернется и в стихотворении «Хунхуз» [37].

Чтобы избавиться от «недвижности» китайских реалий, поэт попытается модернизировать образ Китая («В Китае», 1932) [28]. Данные стихотворения пишутся уже в годы образованного марионеточного государства Маньчжоу-Го. Как известно, Несмелов сотрудничал с японцами, работал лектором-пропагандистом в оплачиваемой теми профашистской организации [6]. Однако образ восприятия Китая (Маньчжурии) в его лирике этой поры абсолют-

но лишен шовинистических установок. Напротив – Несмелов словно только-только начинает постигать эту страну, этот край и населяющих ее жителей.

Потому для повествовательной лирики и лире-эпики (поэма «Нина Гранина») поэт прибережет свои способности портретиста в духе передвиж-ческой живописи, создавая весьма меткий, адекват-ный китайскому восприятию «национальный облик китайцев» – простых крестьян (Ли Иннань) [24]:

Китаец, до пояса голый,
Из бронзы загара литой,
Не дружит с усмешкой весёлой,
Не любит беседы пустой.
Уронит гортанное слово
И вновь молчалив, и согбен –
Работы, заботы суровой
Влекущий, магический плен.

«Гряда», 1935 [29].

Его лирический герой насквозь пронизан демо-кратическими настроениями. В фокусе внимания поэта – не только крестьяне-землепашцы, но и по-гонщики волов, лодочники («юли-юли») [38], так называемые «толкай-толкаи», слуги («бои») при русских домах:

По дороге, с ее горба,
Ковыляя, скрипит арба,
Под ярмом опустил кадык
До земли белолобый бык.

Так и тысячу лет назад
Шли они, опустив глаза,
Наклонив над дорогой лбы,
Человек и тяжелый бык.

«Около Цицикара». Сб. «Полустанок», 1938 [37]

О демократическом восприятии инокультуры русской эмиграцией Несмелов напишет в своей не-законченной «энциклопедии харбинской жизни» – поэме «Нина Гранина»:

Английский бой и русский бойка –
Совсем не то, уверю вас,
У нас совсем, совсем не стойка
Надменность в отношении рас;
Нам все равно, каков ты кожей,
Какие признаки на роже,
Коль ты попал под сень крыла
Самодержавного орла;
Мы говорим: не супостатом
Отныне будешь ты, а братом.
Для нас уже различья нет,
Татарин родом ты иль швед... [33]

С теплым чувством, в духе народно-демократи-ческой литературы, в стихотворении «Старый знако-мец» выразит Несмелов отношение к бою Василию:

Все оделись, стол накрыли
И к Заутрене ушли.
Остается бой (в Василья
Переделанный из Ли)
Ли Тун-чен, старик отличный
Из далекого Чи-фу;
Не случайно, Вася, нынче,
Ты попал в мою строфу!
Много лет в семействе этом
Служишь, в дружбе не лукав,
И не буду я поэтом,
О тебе не написав.

Знакомые с прозой брата поэта – Ивана Митро-польского, воевавшего в Маньчжурии в годы Рус-ско-японской войны, сразу обнаружат в последую-щих строчках, превозносящих русского бога в гла-зах китайца, влияние на Несмелова повести «Ма-ленький манза» (1913) [27]:

Огонек уединенно
Озаряет кроткий лик.
Ночь колыхнется от звона
И за домом, и вдали.
Ночь гремит о высшем чуде,
Ночь от радости гремит...
«Русский есть хороший люди!» –
Вася твердо говорит.
Почему? И некий отзвук
Из глубин души истек:
«Потому что у ламозы^{*}
Бог как люди: добрый Бог» [35].

В рассказе «Портрет Луки Паччиоли» этот же (или тезка) бой Василий самоотверженно спасет своего русского хозяина от русского же грабите-ля [13: с. 347; 34]. Писатель не устаивает нас пространными объяснениями мотивации поступков Василия. Однако такие этнические нормы пове-дения – плоть от плоти китайского понимания семьи [12: с. 403–417].

В поэме «Нина Гранина» (все тот же 1944 г.) Несмелов вновь обращается к собирательному об-разу очередного маньчжурского Василия:

Василий этот (сколько в Васей
Перекрестили мы маньчжур!),
Рожденный Богом в чуждой расе,
Конечно, Ван был или Чжу,
Но откликался без усилия
На Ваську он и на Василья,
Обиды в сердце не тая;

^{*} Ламоза – 老毛子 (lǎomáozi): груб. «волосатый, волосатик» (русский, иностранец); букв. «старая шапка» (прозвище русских в Харбине в 30–40-е гг. XX в. // Забияко А.А., Заби-яко А.П., Чжан Жуян. Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда: об-разы взаимовосприятия китайцев и русских // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 5. С. 135–151.

При помощи «моя-твоя»
Он объяснялся с «капитаном»
И был всегда служить готов,
С бокалами или стаканом
Являясь вмиг на первый зов.

Вопреки высказываниям некоторых китайских ученых (Ли Мэн) [25: с. 97], харбинская реальность, социокультурные и экономические условия формирования харбинской культуры были таковы, что отношения между русскими и маньчжурами, китайцами складывались на основе не расовых предубеждений, а человеческих симпатий – тем более, если эти симпатии, как мы видим, подкреплялись материально [12: с. 148]. Несмелов подмечает, как, начиная с первых лет существования Харбина, благодаря русским стало расти китайское предпринимательство и благосостояние:

О сколько их, свою карьеру
(Как Нинин бой, сказать к примеру)
С ведра помойного начав,
С плиты, с котлетного угара, –
Рычаг коммерции поняв,
Сумели прибыль брать с базара,
Где покупали по утрам
Картошку, рыбу, птицу, мясо,
И вдруг, с копейкой изловчась,
Купцами тоже стали там.

Отдельного внимания заслуживает обращение Несмелова к проблемам маргинализации этничности, возникающей в результате русско-китайских браков либо вынужденной изолированности русских от своих собратьев и погружении их в китайскую среду (стихотворение и рассказ «Ламоза» (1940), повесть «Драгоценные камни» (1941) [12: с. 151–159]. В рассказе «Ламоза» русский мальчик Сережа, воспитанный китайцем, не по своей воле лишен возможности слышать русскую речь и жить русской жизнью – в силу именно этих причин он страдает от своей маргинальной неприкаянности и погибает. В повести «Драгоценные камни» русские женщины и их дети сами принимают китайскость как спасение в сложной социально-политической обстановке.

Заключение

Несмеловские образы восприятия Китая и китайцев в своем концептуальном содержании претерпевают эволюцию – от пропагандистского неомифологизма и пространственно-временной индифферентности, присущих бывшему столичному журналисту, – к точке зрения «простого харбинско-

го обывателя» и далее, до детального проникновения в повседневную психологию простых китайцев (маньчжуров), жителей Маньчжурии (крестьяне, разнорабочие, хунхузы). В лирике и лире-эпике «маньчжурец» Несмелов весьма скоро отказался от модернистских жестов, обратившись в своих этнографических зарисовках к повествовательности как способу выражения образа восприятия. Здесь в его арсенале – самые разнообразные приемы создания имагологического образа: портреты, характеристики, диалогически-монологические формы, риторические вопросы, пиджинизированные именованные русских и китайцев, картинки с натуры, вкрапления страноведческих комментариев и т.д.

В малой прозе, касаясь образа восприятия Китая и китайцев, А.И. Несмелов явным образом апеллирует к предшественникам, положившим начало художественной этнографии Дальнего Востока и Маньчжурии, – В.К. Арсеньеву, П.В. Шкуркину, Н.А. Байкову. В жанровом отношении он останавливается на былевой форме, вкрапляя в нее элементы сказочной прозы (былички, бывальщины) и органично соединяя эти формы с архетипическими сюжетами русской литературы (пушкинские «Дубровский» в «Ламозе» и «Капитанская дочка» в «Сторублевке», лермонтовская «Бэла» в «Драгоценных камнях»). При этом, предвосхитив этнологические концепции середины XX в., наблюдения этнографов за процессами фронтальных контактов русских и китайцев [12: с. 151–159], Несмелов уже в начале 30-х гг. размышляет о витальности китайского и русского этносов, степени их жизнеспособности и возможности сохранения ими этничности в инокультурном окружении.

В целом литература дальневосточной эмиграции (особенно в ее харбинской части) смогла вобрать в свое художественное пространство многообразие способов воплощения образов восприятия Китая и китайцев – от модернистской эстетизации в начале формирования литературного процесса до развития серьезного направления художественной этнографии. Литература и публицистика дальневосточной эмиграции, практически свободные от политических установок и социального заказа, смогли запечатлеть традиционный образ жизни, религиозные традиции, социально-политическое устройство китайского населения первой половины XX в., их поведенческие этнические стереотипы, в том числе – этнические установки по отношению к русским.

Список источников

1. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). Москва : НП ИД «Русская панорама», 2004. 432 с.
2. Ачаир Ал. У священного озера (Спец. корреспонденция для «Рубежа» из Ханьчжоу) // Рубеж. 1929. № 6. 70 с.
3. Байков Н.А. В горах и лесах Маньчжурии. Петроград : Тип. Д.П. Вейсбрут, 1914. 464 с.
4. Бета Б. Маньчжурские ямбы // Врата. Кн. 2. Шанхай, 1935.

5. Бузуев О.А. Литература русского зарубежья Дальнего Востока в национальном процессе XX века : монография. 2-е изд., перераб. и доп. Комсомольск-на-Амуре : Изд-во АмГПУ, 2013. 381 с.
6. Бужков А. Русский поэт и фашист. Вырванные страницы из биографии Арсения Несмелова // Владивосток. 3 марта 1994 г.
7. В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Материалы к творческой биографии: Научное издание. В 3 т. Т. 1. Проза. В 2 ч. Ч. 1 / сост. и коммент. А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой; подгот. текстов Е.Е. Бирик, И.А. Дякина, А.А. Забияко, К.А. Землянской, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. 350 с.
8. Великая Маньчжурская империя: К десятилетнему юбилею, 1932–1942 / Харбин : Изд. М.Н. Гордеев, 1942. 416 с.
9. Весь Харбин на 1923 г. Адресная и справочная книга гор. Харбина / ред. С.Т. Тернавский. Харбин : Весь Харбин, 1923. 336, VII с.
10. Ершов Д.В. Хунхузы. Необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. Москва : Центрполиграф, 2010. 255 с.
11. Ещин Л.Е. Собрание стихотворений / сост. Е. Витковский. Москва, 2005. 30 с.
12. Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина : монография. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. 437 с.
13. Забияко А.А. Фронтирная идентичность от Вампу до Сунгари: М. Щербаков, Н. Резников, А. Несмелов // Забияко А.А., Забияко А.П., Леввошко С.С., Хисамудинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2015. 462 с.
14. Забияко А.А. Художественная этнография первой половины XX в.: российский Дальний Восток и Маньчжурия // Рубеж. 2020. 876(14). С. 301–313.
15. Забияко А.А., Сенина Е.В. Художественный образ восприятия инокультуры как категория имагопоэтики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18, № 1. С. 166–171.
16. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» : художественный мир лирики русского Харбина. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2008. 428 с.
17. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.
18. Забияко А.П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2015. 462 с.
19. Землянская К.А. Изучение религиозных обычаев и традиций нанайцев в отечественной науке (дореволюционный контекст) и опыт их систематизации в художественной этнографии Венедикта Марта // Религиоведение. 2020. № 4. С. 137–147.
20. Иванов Вс.Н. Китайский Новый год // Гун Бао. 1928. 22.01.
21. Кириллова Е.О. Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б.М. Юльский, Н.А. Байков, М.В. Щербаков, Е.Е. Яшнов) : монография. Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2015. 276 с.
22. Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. Хабаровск, 2001. 352 с.
23. Лалетина (Николаева) Н.Н. Жили... были... харбинцы. Воспоминания. Рига, 2021. 395 с.
24. Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русская литература XX века : итоги и перспективы изучения : сборник научных трудов, посвященных 60-летию профессора В.В. Агеносова. Москва : Сов. спорт, 2002. 440 с.
25. Ли Мэн. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 96–103.
26. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. Москва, 2003. 440 с.
27. Митропольский И.И. Маленький Манза : Повесть из манджурской жизни (из эпохи рус.-яп. войны). Москва : Кн. скл. М.В. Клюкина, 1913. 84 с.
28. Несмелов А. В Китае // Азия. 1932. № 2. 36 с.
29. Несмелов А. Гряда // Феникс. 1935. № 14. 32 с.
30. Несмелов А. Игра на мясо // Советская Сибирь. 1926. № 117 (23 мая). Цит. по: В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов. Материалы к творческой биографии: Научное издание: В 3 т. Т. 1. Проза. В 2 ч. Ч. 1. С. 166–171.
31. Несмелов А. Из китайского альбома (I) // Феникс. 1932. № 2. 30 с.
32. Несмелов А. Легенда о драконе // Сибирские огни : 1927. № 3 : май – июнь / редкол. М. Басов [и др.]. Новосибирск : Тип. Сибкрайсоюза. 274 с.
33. Несмелов А. Нина Гранина // Рубеж. 1944. № 12. 15 с.
34. Несмелов А. Портрет Луки Паччиоли // Рубеж. 1944. № 7. 15 с.
35. Несмелов А. Старый знакомец (I–V) // Луч Азии. 1941. № 4. 36 с.
36. Несмелов А. Сторублевка // Луч Азии. 1945. № 1. 35 с.
37. Несмелов А. Хунхуз // Полустанок. 1938. 30 с.
38. Несмелов А. Юли-юли // Рубеж. 1936. № 7. 14 с.
39. От редакции // Вестник Азии. 1909. № 1 (Июль). 330 с.
40. От редакции // Известия Общества изучения Маньчжурского края. 1922. № 1. 39 с.
41. Перелешин В. Заблудившийся аргонавт // «Мы жили тогда на планете другой...». В 4 кн. Кн. 3. Антология поэзии русского зарубежья. 1920–1990 / сост. Е.В. Витковский. Москва : Московский рабочий, 1994. 400 с.
42. Петров В. В Маньчжурии // Литература русских эмигрантов в Китае. В 10 т. Т. 7 / Собиранье оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен. Пекин, 2005. 423 с.
43. Сенина Е.В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2018. 26 с.
44. Таскина Е.П. Литературное наследие русского Харбина // Харбин. Ветка русского дерева : проза, стихи / сост. Д.Г. Селькина, Е.П. Таскина. Новосибирск, 1991. 400 с.
45. Хаиндрова Л. Китайская пашня // Крылья. Харбин : Заря, 1941. 34 с.
46. Хейдок А. Город преддрасветных сумерек (Впечатления о Гирине) // Рубеж. 1929. № 45. 20 с.

47. Хисамутдинов А.А. Изучение Китая русскими исследователями из Харбина. Общество русских ориенталистов (Харбин) // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2015. 462 с.
48. Цзюй К. «Харбинский текст» первой половины XX века в устных рассказах харбинцев // Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 4. С. 120–135.
49. Цмыкал О.Е. Религиозный аспект поэтического этнографизма Лариссы Андерсен // Религиоведение. 2021. № 1. С. 124–125.
50. Шкуркин П.В. Город Хуланьчэн. Очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии. Никольск-Уссурийский, 1904. 94 с.
51. Шкуркин П.В. Китайские легенды. Харбин : Тип. т-ва «ОЗО», 1921. 160 с.
52. Шкуркин П.В. Хунхузы : этногр. рассказы : [рассказы из кит. быта]. Харбин, 1924. 138 с.
53. Щеголев Н.А. В раздумьи // Литература русских эмигрантов в Китае. В 10 т. Т. 7 / Собиранье оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен. Пекин, 2005. 423 с.
54. Щеголев Н.А. Тетрадь № 1. Рукопись черновика романа «Перекресток» (1957–1962) Л. 3. // Архив Центра изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета.
55. Щербаков М. По каналам (с фотографиями автора) // Слово. 1930. 22.03. 45 с.
56. Эфендиева Г.В., Родионова К.И. «Рубеж» как источник этнографического знания о народах Восточной Азии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2015. Вып. 11. С. 302–329.

References

1. Ablova N.E. *KVZHD i rossiiskaya eh migratsiya v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina 20 v.)*. [CER and Russian emigration to China: international and political aspects of history (first half of the 20 century)]. Moscow : Russkaya panorama, 2004. 432 p. (in Russ.).
2. Achair Al. *U svyashchennogo ozero (Spets. korrespondentsiya dlya «Rubezh» iz Khan'chzhou)*. [At the sacred lake (Special. correspondence for Frontier from Hanzhou)]. *Rubezh*. 1929. № 6. 70 p. (in Russ.).
3. Baikov N.A. *V gorakh i lesakh Man'chzhurii*. [In the mountains and forests of Manchuria]. Pg., tipografiya D.P. Veisbrut, 1914. 464 p. (in Russ.).
4. Beta B. *Man'chzhurskie yamby* [Iamb of Manchuria]. In: *Vrata*. Kn. 2. Shangkhai. 1935. (in Russ.).
5. Buzuev O.A. *Literatura russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka v natsional'nom protsesse 20 veka: monografiya* [Literature of Russian abroad of the Far East in the national process of the twentieth century: monography]. 2-e izd., pererab. i dop. Komso-mol'sk-na Amure : Izd-vo AMGGPU, 2013. 381 p. (in Russ.).
6. Buyakov A. *Russkii poët i fashist. Vyrvannye stranitsy iz biografii Arseniya Nesmelova* [Russian poet and fascist. Torn pages from the biography of Arseniy Nesmelov]. In: *Vladivostok*. 3 marta 1994. (in Russ.).
7. *V khudozhestvennom mire kharbinskikh pisatelei. Arsenii Nesmelov: Materialy k tvorcheskoi biografii* [In the artistic world of Harbin writers. Arseniy Nesmelov: Materials for creative biography : in 3 parts]. Nauchnoe izdanie: V 3-kh tomakh. T. 1. Proza: V 2-kh chastyakh. CH. 1 / Sost. i kommentarii A.A. Zabyako, V.A. Rezvogo, G.V. Ehfendievoy; podgot. tekstov E.E. Bibik, I.A. Dyabkina, A.A. Zabyako, K.A. Zemlyanskoi, V.A. Rezvogo, G.V. Ehfendievoy. Blagoveshchensk : Izd-vo AMGU, 2015. 350 p. (in Russ.).
8. *Velikaya Man'chzhurskaya imperiya: K desyatiletнему yubileyu, 1932–1942*. [Great Manchu Empire: On the tenth anniversary, 1932–1942]. Izd. M.N. Gordeev. Kharbin, 1942. 416 p. (in Russ.).
9. *Ves' Kharbin na 1923 g. Adresnaya i spravochnaya kniga gor. Kharbina* [All Harbin in 1923. Address and reference book of Harbin]. Pod red. S.T. Ternavskii. Kharbin: Ves' Kharbin, 1923. 336, VII p. (in Russ.).
10. Ershov D. V. *Khunkhuzy. Neob'yavlennoy voina. Ehtnicheskii banditizm na Dal'nem Vostoke* [Honghuzi. Undeclared war. Ethnic banditry in the Far East] Moscow : Tsentrpoligraf, 2010. 255 p. (in Russ.).
11. Eshchin L.E. *Sobranie stikhotvoreniy* [Collection of poems]. Sost. E. Vitkovskii. Moscow, 2005. 30 p. (in Russ.).
12. Zabyako A.A. *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina : Monografiya* [Mentality of the Far Eastern Frontier: Culture and Literature of Russian Harbin: Monography]. Novosibirsk : Izd-vo Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk, 2016. 437 p. (in Russ.).
13. Zabyako A.A. *Frontirnaya identichnost' ot Vampu do Sungari: M. Shcherbakov, N. Reznikov, A. Nesmelov*. [Frontier identity from Vampu to Sungari: M. Shcherbakov, N. Reznikov, A. Nesmelov]. Zabyako A.A., Zabyako A.P., Levvoshko S.S., Khisamutdinov A.A. *Russkii Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: life-building experience in the Far Eastern frontier]. Pod red. A.P. Zabyako. Blagoveshchensk : AMSU. 2015. 462 p. (in Russ.).
14. Zabyako A.A. *Khudozhestvennaya etnografiya pervoi poloviny XX v.: rossiiskii Dal'nii Vostok i Man'chzhuriya*. [Artistic ethnography of the first half of the 20th century: Russian Far East and Manchuria]. In: *Rubezh*. 2020. 876(14). P. 301–313 (in Russ.).
15. Zabyako A.A., Senina E.V. *Khudozhestvennyi obraz vospriyatiya inokul'tury kak kategoriya imagopoehtiki*. [Artistic image of perceptions of a foreign culture as a category of imagopoetics]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. [The Humanities and Social Studies in the Far East] 2021. T. 18. No. 1. P. 166–171. (in Russ.).
16. Zabyako A.A., Ehfendieva G.V. «Chetvert' veka bezzhenskoi sud'by...» : *khudozhestvennyi mir liriki russkogo Kharbina*. [“A quarter of a century of refugee fate...”: the artistic world of the lyrics of Russian Harbin]. Blagoveshchensk : AMSU, 2008. 428 p. (in Russ.).
17. Zabyako A.P., Kobyzov R.A., Ponkratova L.A. *Russkie i kitaitsy. Russkie i kitaitsy: ehnmigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke* [Russians and Chinese: ethnomigration processes in the Far East]. Blagoveshchensk : AMSU, 2009. 412 p. (in Russ.).
18. Zabyako A.P. *Na sopkakh Man'chzhurii: russkii opyt iskhoda i diasporizatsii*. [On the hills of Manchuria: Russian experience of exodus and diasporization]. *Russkii Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: life-building experience in the Far Eastern frontier]. Pod red. A.P. Zabyako. Blagoveshchensk : AMSU, 2015. 462 p. (in Russ.).

19. Zemlyanskaya K.A. *Izucheniye religioznykh obyayaev i traditsii nanaitsev v otechestvennoi nauke (dorevolutsionnyi kontekst) i opyt ikh sistematizatsii v khudozhestvennoi ehtnografii Venedikta Marta* [Study of religious customs and traditions of Nanai in Russ. science (pre-revolutionary context) and experience of their systematization in art ethnography Venedikt Marta]. *Religiovedenie. [Study of Religion]*. 2020. No. 4. P. 137–147 (in Russ.).
20. Ivanov Vs.N. *Kitaiskii Novyi god. [Chinese New Year]*. *Gun Bao*. 22. 01. 1928. (in Russ.).
21. Kirillova E.O. *Oriental'nye temy, obrazy, motivy v literature russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka (B.M. Yul'skii, N.A. Baikov, M.V. Shcherbakov, E.E. Yashnov): monografiya. [Oriental themes, images, motifs in the literature of Russian abroad of the Far East (B.M. Yul'sky, N.A. Baikov, M.V. Shcherbakov, E.E. Yashnov): monography]*. Vladivostok : Dal'nevost. federal. un-t, 2015. 276 p. (in Russ.).
22. Kradin N.P. *Kharbin – russkaya Atlantida. [Harbin is Russian Atlantis]*. Khabarovsk, 2001. 352 p. (in Russ.).
23. Laletina (Nikolaeva) N.N. *Zhil... byl... kharbintsy. Vospominaniya. [Lived... were... Harbins. Memoirs]*. Riga, 2021. 395 p. (in Russ.).
24. Li I. *Obraz Kitaya v russkoi poezii Kharbina. [The image of China in Russian poetry Harbin]*. *Russkaya literatura KHKH veka : itogi i perspektivy izucheniya : sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennykh 60-letiyu professora V. V. Agenosova. [Russian literature of the twentieth century: results and prospects of study: a collection of scientific works dedicated to the 60th anniversary of Professor V.V. Agenosov]*. Moscow : Sov. Sport, 2002. 440 p. (in Russ.).
25. Li Mehn. *Kharbin – produkt kolonializma [Harbin is a product of colonialism]*. *Problemy Dal'nego Vostoka. [The Far Eastern Affairs]*. 1999. No. 1. P. 96–103 (in Russ.).
26. Melikhov G.V. *Belyi Kharbin: Seredina 20-kh [White Harbin: Mid 1920]*. Moscow, 2003. 440 p. (in Russ.).
27. Mitropol'skii I.I. *Malen'kii Manza : Povest' iz mandzhurskoi zhizni (iz ehpokhi rus.-yap. voyny) [Little Manza: A tale from Manjur life (from the Russian era. wars)]*. Moscow: kn. skl. M.V. Klyukina, 1913. 84 p. (in Russ.).
28. Nesmelov A. *V Kitae [In China]*. *Aziya [Asia]*. 1932. No. 2. 36 p. (in Russ.).
29. Nesmelov A. *Gryada [Ridge]*. *Feniks [Phoenix]*. 1935. No. 14. 32 p. (in Russ.).
30. Nesmelov A. *Igra na myaso. [Meat Game]*. *Sovetskaya Sibir'. [Soviet Siberia]*. 1926. No. 117 (23 maya). Tsit. Po: Sb. *V khudozhestvennom mire kharbinskikh pisatelei. Arsenii Nesmelov: Materialy k tvorcheskoi biografii. [In the artistic world of Harbin writers. Arseniy Nesmelov: Materials for creative biography : in 3 parts]*. Nauchnoe izdanie: V 3-kh t. T. 1. Proza: v 2-kh ch. T. 1. P. 166–171. (in Russ.).
31. Nesmelov A. *Iz kitaiskogo al'boma (I) [From the Chinese album]*. *Feniks [Phoenix]*. 1932. No. 2. 30 p. (in Russ.).
32. Nesmelov A. *Legenda o drakone [The Legend of the Dragon]*. *Sibirskie ogni [Siberian lights]*. Novosibirsk : Sib. kraevoe izd-vo, no. 3 : mai – iyun' / redkol. M. Basov [i dr.]. 1927 (Novosibirsk : Tip. Sibkraisoyuza). 274 p. (in Russ.).
33. Nesmelov A. *Nina Granina [Nina Granina]*. *Rubezh*. 1944. No. 12. 15 p. (in Russ.).
34. Nesmelov A. *Portret Luki Pachchioli [Portrait of Luca Paccioli]*. *Rubezh*. 1944. No. 7. 15 p. (in Russ.).
35. Nesmelov A. *Staryi znakomets [Old sign]*. (I–V). *Luch Azii. [Ray of Asia]*. 1941. No. 4. 36 p. (in Russ.).
36. Nesmelov A. *Storulevka [Hundred ruble bank note]*. *Luch Azii. [Ray of Asia]*. 1945. No. 1. 35 p. (in Russ.).
37. Nesmelov A. *Khunkhuz [Honghuzi]*. *Polustanok. [Halt]* 1938. 30 p. (in Russ.).
38. Nesmelov A. *Yuli-yuli [Yuli-yuli]*. *Rubezh*. 1936. no. 7. 14 p. (in Russ.).
39. Ot redaktsii. *Vestnik Azii. [Bulletin of Asia]*. 1909. No. 1 (Iyul'). 330 p. (in Russ.).
40. Ot redaktsii. *Izvestiya Obshchestva izucheniya Man'chzhurskogo kraya. [News of the Society for the Study of the Manchurian Territory]*. 1922, no. 1. 39 p. (in Russ.).
41. Pereleshin V. *Zabludivshiysya argonavt [Lost Argonaut]*. «*My zhili togda na planete drugoi...*». ["*We lived on another planet then...*"]. V 4 kn.: Antologiya poezii russkogo zarubezh'ya. 1920–1990. Kn. 3 / sost. E.V. Vitkovskii. Moscow : Moskovskii rabochii, 1994. 400 p. (in Russ.).
42. Petrov V. *V Man'chzhurii [In Manchuria]*. *Literatura russkikh eh migrantov v Kitae. [Literature of Russian emigrants in China]*. V 10 t. / sobiratel' originalov, glavnyi sostavitel', shef-redaktor Li Yanlen. Beijing, 2005. T. 7. 423 p. (in Russ.).
43. Senina E.V. *Obrazy vzaimnogo vospriyatiya russkikh i kitaitsev v russkoi i kitaiskoi literature i publitsistike pervoi poloviny 20 veka. avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Images of the mutual perception of Russians and Chinese in Russian and Chinese literature and journalism of the first half of the 20th century : PhD Thesis in Philological Studies]*. Moscow, 2018. 26 p. (in Russ.).
44. Taskina E.P. *Literaturnoe nasledie russkogo Kharbina [Literary heritage of Russian Harbin]*. In: *Kharbin. Vетка russkogo dereva : proza, stikhi. [Harbin. Branch of the Russian tree: prose, poetry]*. sost. D. G. Sel'kina, E. P. Taskina. Novosibirsk, 1991. 400 p. (in Russ.).
45. Khaindrova L. *Kitaiskaya pashnya [Chinese arable land]*. Kryl'ya. Kharbin. *Zarya. [Dawn]*. 1941. 34 p. (in Russ.).
46. Kheidok A. *Gorod predrassvetnykh sumerek (Vpechatleniya o Girine) [City of Pre-Dawn Twilight (Impressions of Girin)]*. *Rubezh*. 1929, no. 45. 20 p. (in Russ.).
47. Khisamutdinov A.A. *Izucheniye Kitaya russkimi issledovatelyami iz Kharbina. Obshchestvo russkikh orientalistov (Kharbin). [Study of China by Russian researchers from Harbin. Society of Russian Orientalists (Harbin)]*. *Russkii Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira. [Russian Harbin: life-building experience in the Far Eastern frontier]*. Pod red. A. P. Zabiako. Blagoveshchensk : AMSU, 2015. 462 p. (in Russ.).
48. Tsyui K. «*Kharbinskii teksT*» *pervoi poloviny XX veka v ustnykh rasskazakh kharbintsev. [“Harbin text” of the first half of the 20th century in oral stories of Harbins]*. *Traditsionnaya kul'tura. [Scholarly Almanac “Traditional culture”]*. 2019. T. 20, no. 4. P. 120–135. (in Russ.).
49. Tsymkal O.E. *Religiozniy aspekt poehticheskogo ehtnografizma Larissy Andersen [Religious aspect of Larissa Andersen's poetic ethnography]*. *Religiovedenie. [Study of Religion]*. 2021. No. 1. P. 124–125. (in Russ.).
50. Shkurkin P.V. *Gorod Khulan'chehn. Ocherki iz istoricheskogo i ehkonomicheskogo byta Tsentral'noi Man'chzhurii. [The city of Hulancheng. Essays from the historical and economic life of Central Manchuria]*. Nikol'sk-Ussuriiskii, 1904. 94 p. (in Russ.).
51. Shkurkin P.V. *Kitaiskie legendy [Chinese legends]*. Tipografiya g-va «OZO». Kharbin, 1921. 160 p. (in Russ.).

52. Shkurkin P.V. *Khunkhuzy : ehtnogr. rasskazy : [rasskazy iz kit. byta]* [Hunhuz: ethnographic stories: stories from Chinese life]. Kharbin, 1924. 138 p. (in Russ.).
53. Shchegolev N.A. *V razdum'i*. [In thought]. *Literatura russkikh eh migrantov v Kitae*. [Literature of Russian emigrants in China]. V 10 t. / sobiratel' originalov, glavnyi sostavitel', shef-redaktor Li Yanlen. Beijing, 2005. T. 7. 423 p. (in Russ.).
54. Shchegolev N. A. *Tetrad' № 1*. [Notebook No. 1]. Rukopis' chernovika romana «Perekrestok» (1957–1962) L. 3. Arkhiv Tsentra izucheniya dal'nevostochnoi eh migratsii Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. (in Russ.).
55. Shcherbakov M. *Po kanalam (s fotografiyami avtora)* [Via channels (with photos of the author)]. *Slovo*. [The Word]. 22.03.1930. 45 p. (in Russ.).
56. Ehfendieva G.V., Rodionova K.I. «RubeZH» kak istochnik ehtnograficheskogo znaniya o narodakh Vostochnoi Azii ["Frontier" as a source of ethnographic knowledge about the peoples of East Asia]. In: *Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh. Istoricheskii opyt vzaimodeistviya kul'tur* [Russia and China on the Far Eastern borders. Historical experience of interaction of cultures]. Pod red. A.P. Zabyako, A.A. Zabyako. Blagoveshchensk : AMSU, 2015. Vol. 11. P. 302–329. (in Russ.).

Информация об авторах

А.А. Забияко – доктор филологических наук, профессор;
Е.В. Сенина – кандидат филологических наук.

Information about the authors

A.A. Zabyako – Doctor of Science (Philology), Professor;
E.V. Senina – Candidate of Science (Philology).

Статья поступила в редакцию 01.10.2021; одобрена после рецензирования 28.10.2021; принята к публикации 02.11.2021.
The article was submitted 01.10.2021; approved after reviewing 28.10.2021; accepted for publication 02.11.2021.